

Bazyli Białokozowicz

"Востоочнославянская литература в
Великом Княжестве Литовском.
Антология", сост., автор вступ.
статьи и коммент. П. Ивинский,
Вильнюс 1998 : [recenzja]

Acta Polono-Ruthenica 5, 348-354

2000

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

фологический материал излагается в широком контексте современной грамматической науки (исторические справки, сравнение с наблюдениями украинских и русских лингвистов и пр.), в сжатом и динамичном стиле. Этому способствует и метаязык книги, в системе которого вполне целесообразно, на наш взгляд, употребляются и такие нетрадиционные термины, как *станівник* (слова категории состояния), *модальник* (модальные слова) и др.

Итак, рецензируемые книги представляют двойкий интерес: 1) репрезентируемая ими проблематика культуры пограничья и способы её представления и интерпретации могут оказаться полезными для польских славистов, занимающихся польско-восточнославянскими языковыми связями; 2) в условиях дефицита современных учебников и пособий по украинскому языку в польских библиотеках *Морфологія* в какой-то мере может восполнить этот пробел. Попутно заметим, что пишущий эти строки уже использует данное грамматическое пособие (равно как и словари) на лекциях в Институте русской филологии Познанского университета, где есть специализация „русский язык с украинским”. Думается, что книги профессора Горпинича не останутся незамеченными в польской научной аудитории.

Leontij Mironiuk

Павелас Ивинскис, *Восточнославянская литература в Великом Княжестве Литовском. Антология*, составитель, автор вступительных статей и комментариев проф. хабил. др. Павел Ивинский – Pavelas Ivinskis, *Rytų slavų literatūra Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje. Antologija*, sudarytojas, įvadinių straipsnių ir komentarų autorius prof. habil. dr. Pavelas Ivinskis, Vilnius, išleista Vilniaus universiteto Filologijos fakulteto lėšomis 1998, 128 s.

Автор рецензируемой антологии хорошо известен польским русистам. Много лет провел в Польше: в университете Марии Кюри-Склодовской в Люблине преподавал русскую литературу, там же защитил докторскую (хабилитационную) диссертацию, в Варшаве в качестве директора филиала Института русского языка им. А. С. Пушкина в рамках деятельности МАПРЯЛ-а организовал работу Методического Центра русского языка и литературы.

В период пребывания в Польше значительно возрос его интерес к другим славянским литературам, особенно к польской, украинской и белорусской, а также к межславянским и – прежде всего – к польско-восточнославянским литературным и культурным взаимосвязям. В развитии этих отношений огромную роль сыграло Великое Княжество Литовское (в дальнейшем: ВКЛ), на исторической территории которого осуществлялось взаимопроникновение и взаимодействие разных славянских культур, воспринимавших как литовские, так и церковнославянские традиции, влияние латинского Запада и византийского Востока.

Накопленный в Польше опыт П. Ивинский творчески использовал при преобразовании Кафедры русской и советской литературы Вильнюсского университета, коей он заведовал, в Кафедру славянских литератур, что и определило программу её научной деятельности с особым учетом развития славянской письменности на территории как исторической Литвы, так и в более поздние периоды. Одной из таких работ является и нынешний труд П. Ивинского.

Антология П. Ивинского представляет собой памятники восточнославянской словесности XIV–XVII веков в ВКЛ. Почему „восточнославянской”? Почему отсутствует уточнение: какой именно? Как это соотносится с древнерусской, старобелорусской и староукраинской письменностью? Ответ на эти вопросы мы находим во вступительном слове П. Ивинского, считающего, что „русски», «русская» адекватны по отношению к многочисленным памятникам письменности, в которых они употреблялись и выносились на титульные листы: до 90%; в остальных 10% случаев употреблены термины «словенски», «словенска» и „поскольку оформившиеся позднее, в XVIII–XIX вв. белорусская, украинская и отчасти новая русская литература ретроспективно (и в большей или меньшей степени не без основания) усматривают свои истоки в «русской» литературе ВКЛ, правильнее и удобнее сегодня пользоваться более широким понятием «восточнославянская литература ВКЛ» или же слова «русски», «русская» писать с одним «с» и брать их в кавычки, определяя тем самым их региональную и историческую конкретность и одновременно национальную неоднозначность» (с. 6).

Восточнославянская словесность ВКЛ изучалась сначала как „русская» письменность Западного края; в Польше как „zabytki

piśmiennictwa ruskiego na Litwie”, потом же, по мере роста национального сознания восточных славян, по позднее определившимися национальным признакам: белорусская, украинская и русская литература и соответственно – старобелорусская, староукраинская и древнерусская. В этой области накопился весьма обильный научный культурологический материал как в восточнославянской науке (белорусской, украинской и русской), так и в западнославянской (в первую очередь в польской, а также чешской и словацкой), южнославянской (особенно в болгарской и сербской), немецкой, французской, английской, скандинавской и других. Тщательно отобранная литература, помещенная в антологии на с. 124-125, представляет собою 137 библиографических единиц.

Специально следует выделить и отметить богатый иллюстративный материал. На верхней обложке: *Благовецение* – гравюра с титульного листа *Акафиста Богородице* Ф. Скорины. В самом тексте 35 иллюстраций; среди них, кроме скориновских, *Жития виленских мучеников* (рукописи), отрывок из Никифоровского списка *Летописи 1446*, виленская скоропись и титульный лист *Литовского Статута* (1588), *Четвероевангелие. Раскрашенный от руки разворот книги* (1575), острожское издание Библии (1580–1581), *Грамматика* Лаврентия Зизания (1596), *Симон Будны, Катехизис, Устав литургии* (1617), *Грамматика* (1621), *Казанье двое* Карповича, Мелетий Смотрицкий, титульный лист первого издания *Грамматики* М. Смотрицкого, Симеон Полоцкий и его автографы.

Антология состоит из трех частей, отражающих большие эпохи в развитии письменности: средневековая литература (XIII–XV вв.), Ренессанс и Барокко. Оканчивается она XVII веком. Почему? Составитель на это отвечает:

„Как и все в истории, «русская» литература в ВКЛ имеет свою нисходящую линию движения. После Люблинской унии 1569 г. «русский» язык и литературу на нем стал теснить польский язык и польская литературы. Сказывалась все более заметная государственно-политическая поддержка, а также в ряде случаев большой художественный опыт. К середине XVII столетия эти факторы стали определяющими. Некоторые писатели, среди них Симеон Полоцкий, выехали в Москву. Издание книг на «руском» языке стало уменьшаться, а после постановления сейма в 1697 г. о том, что «писец повинен по польску, а не по руску писать», а также запрета

типографиям издавать книги на славянском языке, история »русской« литературы в ВКЛ как особое явление завершилась» (с. 7-8).

В первой части помещены мифы и предания, написанные на старославянском и „русском“ языках, о происхождении литовской державности, первых литовских князьях, языческом культе, основании селений и городов. Используются отрывки из *Полного собрания русских летописей*, а также из *Хроники Литовской и Жмойтской*, *Хроники Быховца* и *Летописи 1446* (из Никифоровского списка). Особо же следует выделить *Жития литовских великомучеников Антония, Иоанна и Евстафия*, виленский памятник православного житийного жанра, известный на старославянском, сербском и греческом языках. Великомученики были казнены сторонниками язычества при Альгирдасе в 1347 г. И константинопольским патриархом Филофеем в 1374 г. были причислены к лику святых. В антологии приводятся отдельные фрагменты *Житий на церковнославянском языке по рукописному сборнику XV в.*, хранящемуся в библиотеке Академии наук Литовской Республики (печатаются впервые), сербский текст XV в. (хранится в Белградской народной библиотеке), отрывок из рукописи XVI в. Венской придворной библиотеки, минейный текст по рукописи Чудова монастыря 1600 г. и на русском языке по синодальному изданию Четьи–миней 1906 года.

Богатством и разнообразием отличается вторая часть антологии *Ренессанс*. Открывается она тремя *Судебными рассказами* из *Литовской Метрики* – комического, трагического и бытового звучания, отличающимися характерными чертами ренессансной прозы. Далее следует историческая проза, представленная рассказом о сватовстве и женитьбе в кн. *Александра на царевне Елене* (из *Хроники Великого Княжества Литовского и Жмойтского*). Весьма широко представлен Франциск Скорина, самая значительная фигура ренессансной эпохи, вслед за ним расположены предисловия к своим сочинениям Симона Будного и Василия Тяпинского, талантливых скориновских преемников в кириллическом книгопечатании. Из *Статута Великого Княжества Литовского* взяты *Обращение издателя Статута, канцлера ВКЛ Льва Сапегы ко всем сословиям* и характерные фрагменты из раздела третьего *О вольностях шляхетских и о расширении Великого Княжества Литовского*. В качестве примеров восточнославянской эпистолографии

приведены письма князя Андрея Михайловича Курбского к виленскому издателю Кузьме Мамоничу и в переводе на современный русский язык переписка Курбского с царем Иваном Грозным.

В третьей части *Барокко* вначале предлагается читателю полемическая литература: отрывки из сочинений Афанасия Филипповича, Христофора Филолета и Леонтия Карповича, содержащие общие понятия и представления об особенностях восточнославянского барочного стиля религиозно-полемической литературы. Там же находятся образцы мемуарно-исторической литературы, состоящие из фрагментов *Дневника* Федора Евлашевского, дающего живые зарисовки жизни и быта мелкой шляхты ВКЛ на переломе XVI–XVII вв. Эпистолярное творчество представлено *Письмом Мелетия Смотрицкого, наречного архиепископа Полоцкого и проч., архимандрита Виленского и Дерманского, к Его Милости отцу Кириллу, Константинопольскому патриарху*, отражающим духовный мир человека эпохи Барокко, являющимся образцом „интеллектуально-психологической барочной прозы, напоминающей в некотором отношении »Житие« протопопа Аввакума» (с. 106).

Образцы силлабической поэзии в большом выборе представлены виршами Андрея Римши Литвина, Мелетия Смотрицкого и Яна Казимира Пашкевича. Дополняются они значительным количеством анонимных виршей. Антологию заключают *Стихи на рождество Христово и Песнь 8. Ирмос. Чудо превелие и прочее* Симеона Полоцкого „первого крупного поэта, открывшего в восточнославянской литературе эпоху профессиональной поэзии” (с. 114).

Заслуживает внимание также характеристика своеобразия той эпохи, в которой складывалась силлабическая „славянская” литература в ВКЛ, на территории которого взаимодействовали и взаимовлияли разные цивилизационные и культурные традиции. „Силлабическая поэзия на »русском« языке, – подчеркивает П. Ивинский, – явление в литературе ВКЛ очень своеобразное. Разнообразны ее истоки: библейские и византийские тексты на церковно-славянском и греческом языках, средневековая и ренессансная латинская поэзия, традиции которой в Литве были особенно сильны (поэма Яна из Вислицы о Грюнвальдской битве »Прусская война«, »Песня о зубре« Н. Гусовского), польская поэзия. Практически все авторы стихотворных произведений XVI–XVII вв. Знали названные языки и пи-

сали на них” (с. 114).

Преобладающее большинство текстов, представленных в антологии, до сих пор исследователи включали непосредственно, даже без всяких оговорок, в историю старой белорусской литературы (см., например, коллективный академический труд Института литературы им. Я. Купалы: *История белорусской дооктябрьской литературы*, Минск, „Наука и техника” 1977, с. 39-288; сравни также вузовский учебник: *Гісторыя беларускай літаратуры. Старажытны перыяд*, пад агульнай рэдакцыяй акадэміка М. А. Лазарука і прафесара А. А. Семяновіча, Мінск „Вышэйшая школа” 1997, с. 53-337). Следовательно, восточнославянская литература ВКЛ – в таком качестве и объеме – до сих пор вообще не изучалась. Это первый опыт – и он как таковой может оспариваться.

Правда, П. Ивинский вовсе не отрицает роли и значения восточнославянской („русской”) письменности ВКЛ в развитии белорусской, украинской и новой русской литературы.

Касаясь этой весьма существенной методологической проблемы, исследователь подчеркивает, что „основания для такого подхода у историков всех трех названных литератур есть и немалые; но все же недостаточные для того, чтобы игнорировать главное: что восточнославянская литература XIV–XVII вв. была явлением целостным, еще не дифференцированным национально ни в языковом, ни в содержательном, ни в жанрово-стилевом отношениях” (с. 6). Обосновывая свою точку зрения, он пишет, что именно восточнославянская („русская”) письменность в ВКЛ „на протяжении четырех веков была органической частью единой по содержанию, мирозерцанию и формам художественной словесности одного из крупнейших государств Европы в ряду и в плодотворных взаимодействиях с литературами на латинском, польском и литовском (в основном с устной фольклорно-мифологической традицией); что именно в составе литератур ВКЛ на других языках она опиралась на опыт не только литературы Киевской Руси, Византии, Болгарии, вступала в контакты с современными ей литературами северовосточных русских княжеств, но и беспрепятственно вступала в творческое общение с литературами Западной Европы, что обеспечивало ей на всем протяжении существования дополнительное преимущество и своеобразие” (с. 6-7).

Новые идеи П. Ивинского вполне можно рассматривать как

новаторское предложение для творческой концептуальной научной дискуссии в области культурологической компаративистики. Спор может также вызвать его взгляд на формирование собственно украинской, белорусской и новой русско литературы, „берущей на себя общерусские эстетические функции” (с. 8).

В этом плане независимо от П. Ивинского весьма интересные соображения высказал польский социолог Влодзимеж Павлючук:

„Rosjanie przetworzyli język literacki Rusi Kijowskiej na literacki język rosyjski, zachowując jego wzniosłość i poetyckość, pielęgnując ciągłość tradycji i uzyskując tym samym swoiste prawo do sukcesji po dziedzictwie Rusi Kijowskiej. Nowożytna literatura ukraińska, podobnie jak i literatura białoruska, powstała w końcu XVIII i na początku XIX wieku z żywych gwar ludowych, bez nawiązania do »wysokich« tradycji języka literackiego. [...] Najślynniejsze postacie XVI–XVIII wieku: Melecjusz Smotrycki, Zizanij, Fiodorow, Szymon Połocki są równocześnie w almanachach literatury i filozofii Ukrainy, Białorusi, Rosji, a nawet Litwy – jako twórcy należący do tych tradycji narodowych. Ale tylko Rosjanom udało się tę tradycję przetworzyć na żywy język literacki, w ten sposób nieubłaganie nią zawłaszczając na zasadzie rzeczywistej kontynuacji” (цит. по: W. Pawluczuk, *Ukraina. Polityka i mistyka*, Kraków, „Nomos” 1998, s. 49).

И все же в наше время, навеянное новыми идеями постмодернизма, возникают многие спорные вопросы и проблемы, нуждающиеся в обстоятельном научном обсуждении. Хорошо ли это или плохо? Я думаю: великолепно. Ведь в спорах и дискуссиях рождается истина. С этой точки зрения трудно переоценить роль и значение представленной нами антологии, взбудораживающей научную мысль своей новой концептуальной постановкой существеннейшей проблемы: восточнославянская („русская”) литература ВКЛ, ее историческая судьба и творческие традиции, их художественные пере воплощения в славянских и других литературах.

Bazyli Białokozowicz